

«Экфразис в современной русской поэзии как поэтологическая проблема»

Среди других возможных «ключей» к процессам «транзита» в новейшей русской поэзии взгляд на нее с точки зрения экфразиса является, как нам кажется, одним из самых продуктивных.

Во-первых, экфразис, по наблюдению Б. Дубина, «проявляет неизобразительную виртуальную природу любого слова», «отсылает к тому, что, строго говоря, неизобразимо», и тем самым проблематизирует природу словесности как таковой.

Во-вторых, актуализация экфразиса в культуре всегда связана с фундаментальными сдвигами в репрезентации субъективности; и первым из таких сдвигов, как писала О. Фрейденберг, стало рождение субъекта в европейской литературе.

В-третьих, экфразис, указывая на предмет искусства как на вещь и на образ вещи, создает двойственную референцию, и этот принцип «демодализации» высказывания, как отмечает Р. Ходел, можно описать как «принцип поэзии вообще».

Экфразис в поэзии, таким образом, можно интерпретировать как проблему, в которой пересекаются проблемы интермедальности, референции, саморефлексии, поэтического воображения. В этом смысле экфразис изначально «поэтологичен», связан с обозначением границ поэзии в разных системах координат.

Исходная предпосылка нашего исследования состоит в том, что историческая динамика представлений о поэзии отчетливее всего преломляется в экфразисе, который отражает изменения в отношениях словесного и изобразительного, выразимого и невыразимого.

Сегодня экфразис активно исследуется и в российском, и в европейском, и в американском литературоведении. При этом точкой отсчета, как правило, являются современные литературные практики. Существуют работы об экфразисе в медийных и дигитальных контекстах, о связях экфразиса и виртуальности.

Л. Геллер, инициировавший широкое обсуждение проблемы экфразиса в российском контексте, упоминая Г. Айги, А. Тарковского. В. Кривулина и других, высказывает предположение, что «распространение моды на экфразис» в практике XX-XXI вв. можно считать «симптомом затянувшегося

конца» литературы в том ее понимании, которое связано с началом Нового времени.

В 2000-2010-е гг. появляются отдельные работы, посвященные экфразисам у Д. Пригова, И. Бродского, А. Монастырского, Е. Рейна, А. Кушнера, Л. Лосева, О. Седаковой и др. В то же время обобщающих работ на тему экфразиса в новейшей русской поэзии еще не было, и наше исследование призвано восполнить этот пробел.

При этом исследование экфразиса, именно в силу того, что он проблематизирует границы поэзии, кажется необходимым расширить с анализа отдельных текстов и практик до исследования поэтологических моделей, представленных в литературе 1970-2010-х гг. Эта двоякая фокусировка исследования: на экфразисе и на поэтологии – определяет его особую структуру.

Первая часть работы будет посвящена описанию и сравнительной характеристике разных представлений о поэте и поэзии, взятых в исторической перспективе. При этом предполагается отдельно рассмотреть две темы: языки описания поэзии в эссе поэтов и изменения культурной топики, связанной с поэтом и поэзией.

На уровне анализа метатекста речь будет идти о выявлении концепций поэзии в эссеистике русских поэтов от Г. Айги и И. Бродского до П. Арсеньева и И. Гулина.

На уровне анализа поэтических текстов в фокусе внимания будут образные константы, связанные с условно-мифологической репрезентацией поэта: Орфей, Аполлон, Марсий, Адонис и др. – и их смысловые и стилевые трансформации.

Вторая часть работы будет посвящена собственно разбору экфразисов в русской поэзии 1970-2000-х гг., а также анализу «*imagetext*»'ов, в которых само экфрастическое стихотворение включено в произведение визуального искусства. Таким образом, вторая часть исследования также предполагает две самостоятельные темы.

Первая тема – пунктирная история экфразиса в новейшей русской поэзии, данная в сопоставительных очерках (В. Кривулин – Д. Пригов, Ш. Абдуллаев – А. Парщиков, Е. Фанайлова – В. Лехциер и др.).

Вторая тема – история примеров интермедиального синтеза, где слово «вбирается» произведением искусства, будь то «книга художника» (С. Дорошева – А. Сен-Сеньков и др.) или графика, в которой слово поэта

оказывается элементом автометаописания художника (А. Аксинин, Э. Булатов и др.).

В том, как организуется экфразис, проступают общие принципы референциальной организации текста, свойственные той ли иной эпохе. Эпоха «исторического авангарда» завершилась, как можно судить, с одной стороны, выходом к разнообразным концепциям «симультанности», призванным вобрать в слово всю полноту чувственного опыта, а с другой – осознанием невозможности или условности такой репрезентации, «обнажением приема».

Эти сдвиги получили свое отражение и в экфразисе: так у О. Мандельштама в его рассуждениях о живописи отмечается выход к опыту, «непосредственность которого никогда не видима как таковая» (Е. Павлов); в прозе В. Набокова экфрастическое описание выполняет роль семантического «переключателя», показывающего, что «не только изображение не соответствует действительности, но и действительность не соответствует картине» (Ж. Хетени).

Из обращения к анализу новейших экфрастических практик можно узнать, какие направления семантического «транзита» актуальны для современной культуры. Выяснению этого вопроса и посвящена книга, создаваемая в рамках данного проекта.